

Эта книга начинается с того момента, которым заканчивается «Парень с соседней могилы». Если вы не читали первую книгу (или же забыли ее), то легко сможете восстановить события, произошедшие в ней, прочитав приведенное ниже краткое содержание. Если вы смотрели художественный фильм, снятый по книге, также советуем на всякий случай прочитать это содержание — между книгой и фильмом есть некоторые различия.

Краткое содержание. Тридцатидвухлетняя библиотечкариша Дезире Валлин недавно похоронила своего мужа Эрьяна, человека, чей вкус, образ жизни и взгляды она разделяла, — и все же их брак был не из пылких. Она примирилась со своим одиночеством и посвятила все свободное время работе, но ей нестерпимо хочется ребенка. На кладбище Дезире знакомится с Бенни Сёдерстрёмом, который приходит на могилу своей матери. После смерти матери он живет один и пытается вести небольшое молочное хозяйство, но с трудом сводит концы с концами. Они влюбляются, несмотря на весьма большую разницу в интересах и жизнен-

ной философии («Не стану утверждать, что меня поразило громом. Скорее было такое чувство, будто я прислонился к проволочной изгороди и меня дернуло током»*, — говорит Бенни), но им никак не удастся подстроить свою жизнь друг под друга. Бенни боится остаться неприкаянным бобылем и хочет найти себе женщину, которая могла бы ему по хозяйству и на ферме. Дезире не видит себя в этой роли и не желает жертвовать всем тем, что для нее важно, и переезжать в Рябиновую усадьбу. В конце концов они расстаются, хотя разрыв оказывается крайне болезненным для обоих. Дезире начинает встречаться с историком Андерсом, но вскоре понимает, что привязана не столько к нему, сколько к его маленькому сыну. Через некоторое время Бенни сходитя со своей сверстницей, двоюродной сестрой Анитой, от которой получает то, что, как ему казалось, он искал, — помощь по дому и на ферме. Однако он никак не может в нее влюбиться — «это все равно что начать вдруг распевать арии из опер...».

В конце книги — в отличие от фильма — Дезире понимает, что, раз уж ей суждено жить одной, нужно завести ребенка. Она собирается с духом и просит Бенни стать отцом, несмотря на то что они не могут жить вместе. Он соглашается, но заявляет, что не оставит ее, если им и в самом деле удастся зачать ребенка. («Еще не хватало, чтобы ты получила моего сына в полное

---

* Пер. Т. Доброницкой.

распоряжение и сделала из него желчного доцента, какого-нибудь, не приведи Господи, специалиста по мертвым языкам!») Они решают дождаться подходящего момента и предпринять три попытки, как в сказках. Когда Дезире узнает результат теста на беременность, они принимают решение: если она не беременна, они прекратят всякое общение, а если беременна — ну, тогда и будут думать. Повествование обрывается на самом интересном месте — мы не знаем, удалось ли Дезире забеременеть.

Дополнительные сведения. Соседей Бенни зовут Бенгт-Йоран и Вайолет.

Лучшая подруга Дезире, Мэрта, живет с мужчиной, прикованным к инвалидному креслу.

Бенни зовет Дезире «Креветкой» — «блеклая, согнута в дугу, чтоб прикрыть нежные части и выставить наружу панцирь...».

ГОД ПЕРВЫЙ
ПЕРЕМЕННАЯ
ОБЛАЧНОСТЬ

1. Бенни

Хорошо еще, что я чуть шею себе не свернул, когда вылетел из квартиры Дезире, не чуя под собой ног после того первого вечера. Я споткнулся, скатившись вниз на несколько ступенек, шандарахнулся локтем о дверь лифта — ах ты, черт! — и приземлился на лестничную площадку на одно колено — так подвернул ногу, что там аж хрустнуло.

Этажом ниже открылась дверь, и какой-то старикан в халате с подозрением выглянул на лестничную клетку. А тут я корячусь — боль адская, даже губу закусить пришлось, чтобы не застонать, — так нет же, мне непременно надо его успокоить, дать понять, что я не представляю угрозы общественному порядку! Ну я и поклонился ему слегка, просто сама вежливость. Вот уж точно Бенни-деревенщина! Он тут же захлопнул дверь, и я услышал, как он запирает ее на замок и цепочку. Небось решил, что я из каких-нибудь чокнутых сектантов, эдакий полонумный свидетель Иеговы, который молится на лестнице, прежде чем отправиться вербовать новых последователей. Боже ты мой!

А вы когда-нибудь пробовали вести машину, вытянув одну ногу, а другой выжимая сцепление, газ и тормоз? Всю дорогу домой машина скакала, как кролик.

Хотя опять-таки хорошо, что так вышло. Потому как весь следующий день у меня чертовски болела нога, и я вообще больше ни о чем думать не мог. А если б и попытался, у меня бы просто мозги замкнуло от всей этой неразберихи. Дезире, снова-здорово! Все эти застарелые чувства, выворачивающие кишки наизнанку. Анита, которая, слава Богу, уже спала, когда я приехал домой, и еще не проснулась, когда я поутру поковылял в коровник. Я даже на вязанье ее, лежавшее на кухонном диване, старался не глядеть, опрокидывая в себя на бегу кружку растворимого кофе, залитого горячей водой из-под крана, — лишь бы поскорее уйти, чтобы не пришлось смотреть ей в глаза.

А мне ведь еще доить с вытянутой ногой — колено распухло, словно мяч, горячее, кровь так и стучит. Хромая, я с грехом пополам разыскал стульчик для дойки, ну такой, с ножкой на пружине, который еще пристегивается к поясу, — я им вообще-то никогда не пользуюсь. Я так давно последний раз на нем сидел, что потерял равновесие, опрокинулся и плюхнулся прямо в коровий навоз, снова ударившись ушибленным локтем. И вот лежу я в навозе, лыблюсь во весь рот и говорю вслух: «Поделом тебе, засранец ты этакий!» И представляю, как это насмешит Де-

зире, когда я ей расскажу. Я так был счастлив, самому стыдно стало.

Только до рассказов-то дело не дошло. Не тот у нас расклад, чтобы языком трепать да байки травить. Вечером, как уезжать, на душе кошки заскребли — опять пришлось врать Аните, которая приготовила на ужин сардельки и картошку с укропом, самую что ни на есть вкуснятину. На скамье валялся каталог из ювелирного — зуб даю, что он там оказался не случайно, но я сделал вид, будто не заметил его. Мне показалось, что она смотрит на меня пристальнее, чем обычно, и я наплел целую историю про то, как споткнулся о тюк сена и ушиб колено и как мне, бедному-несчастному, больно. Подлец, который ходил налево и теперь ищет утешения. Но с ней этот номер завсегда проходит, медсестра в ней взяла верх, и она со знанием дела ощупала колено, наложила повязку и сказала, что это всего лишь легкий вывих.

Пробормотав, что Бергрэн из соседней деревни попросил помочь ему заполнить какую-то анкету по евросоюзным делам, я доковылял до машины и, вдарив по газам, помчался в сторону города, лишь потом сообразив, что к Бергрэну ехать в другую сторону и, если Анита наблюдала за мной в окно, вопросов не миновать.

Но мне было на это плевать, лишь бы уехать, ведь я теперь — человек с секретным заданием. Да что там, просто супергерой, готовый примчаться по первому зову и обрюхатить маленьких креветок. Не хватает только облегающего

костюма и плаща. И логотипа на груди, — может, здоровенный сперматозоид подойдет?

Я задумался, не обидеться ли мне, что меня столь бесцеремонно используют. Разве это не сексуальное посягательство — вот так взять в оборот бывшего любовника, как только ей взбрело в голову, что она хочет ребенка? Может, мне стоит стать в позу и посоветовать ей завести счет в спермобанке?

Да что там, я прекрасно знал, что не упустил бы такую возможность, даже если б мне пришлось скакать в город на своей хромой ноге. И ребенок вовсе не был для Дезире очередной прихотью. Единственное, что удерживало меня от того, чтобы пропеть осанну, так это гложащее подозрение, что ей нужен не столько я, сколько мои маленькие хвостатые сорванцы. И конечно же все кончилось тем, что я запрятал свои сомнения в глубокий колодец и крепко-накрепко прикрутил крышку болтами. Может, еще и не придется ничего объяснять Аните? Черт его знает, может я, сам того не ведая, находился вблизи зеленого криптонита* и под влиянием облучения мои сперматозоиды взяли да подувляли? Ну или около «Раундапа»** или еще какой дря-

---

* Криптонит — радиоактивное вещество, содержащееся в осколках планеты Супермена и делающее его уязвимым. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

** «Раундап» — препарат для уничтожения сорняков.

ни от паразитов. И на что я тогда, спрашивается, сдался Дезире?

После второго раза она заплакала и сказала, что больше не хочет, чтобы я приходил, иначе она опять начнет по мне скучать. По мне? Опять? К тому времени я уже вообще ничего не понимал, поэтому просто сказал: «Так, значит?» — вышел из ее квартиры и словно в тумане добрался до дома с чудовищной головной болью. Но все же на следующий вечер я опять туда поехал. Мы же договорились — три попытки. И хочет она того или нет, я для себя твердо решил выяснить, что она имела в виду под этим «опять».

Однако на третий вечер ее не оказалось дома. А может, просто не открыла дверь.

2. Дезире

Проснулась — а подушка пахнет Бенни. Аромат мыла с примесью сена, моторного масла и кофе с тонкой ноткой коровьего дерьма, как любят выражаться в описании духов.

Весь этот день был какой-то странный. Словно я вдруг выпала из собственной жизни и встала в сторонке и все мои мысли — каракули на полях, побег от моего отлаженного, предсказуемого и довольно комфортного бытия.

Да ведь так оно и есть. Я должна полностью отключить сознание, замереть на бегу до тех пор, пока эта неслыханная затея не осуществится. Если нам удастся зачать ребенка, то придется все переосмыслить, переписать все планы заново. А если нет — все опять пойдет своим чередом, как будто ничего и не случилось.

Я не испытывала ничего подобного с тех пор, как была маленькой и моя тетка Анна-Лиза припугнула меня, что детей, которые говорят нехорошие слова, забирают в детский дом. У меня тогда как раз появилась новая подруга Агнета, которая жила по соседству. Она иногда говорила «чертово дерьмо!» и утирала длинные сопли рукавом, я безгранично ею восхищалась

и хотела во всем на нее походить. Но если б мой папа обнаружил, что я тоже знаю длинные заковыристые ругательства, он посадил бы меня в машину и отвез в огромный страшный дом с кучей детей и злых тетенок. Тогда я тоже несколько дней была сама не своя, пытаюсь морально подготовиться. Не играла с новой куклой, чтобы потом не пришлось по ней скучать. Не разговаривала, чтобы случайно не выругаться. Накрывала на стол и как можно дольше чистила зубы, чтобы угодить родителям. Тетя Анна-Лиза сказала маме, что та совсем избаловала ребенка, слава Богу, нашелся хоть кто-то, кто не станет с ним церемониться. Она имела в виду себя. Затем она уехала домой, и все встало на свои места, и я тут же научилась смачно произносить «чертово дерьмо!», правда, лишь в гостях у Агнеты.

Моя квартира вдруг перестала быть только моей. На первое время я могла бы поставить детскую кроватку в спальне и приспособить ванну под столик для пеленания, но потом придется все же освободить рабочий кабинет и сделать из него детскую. А на днях на работе Лилиан спросила, не нужна ли кому-нибудь их двуспальная кровать — они с мужем решили жить в разных комнатах, когда их старший ребенок от них отселится. Кровать, пожалуй, поместилась бы в моей спальне, она ведь всего метр пятьдесят в ширину, и Бенни мог бы...

А может, та небольшая каморка со скошенным потолком на чердаке в Рябиновой усадьбе?

Могло бы так мило получиться, прямо рядом со спальней Бенни с этими его пышными занавесками, вот только утеплена она или нет? И где мы возьмем деньги на вторую машину?

Правда, в спальне Бенни сейчас спит другая женщина. Интересно, он вчера пришел от меня — и сразу к ней в постель? Подумать только, ведь мы с ней могли бы оказаться в одной очереди за тестом на беременность, а потом разойтись в разные стороны и, затаив дыхание, замереть при виде полоски с положительным результатом...

Тут я усилием воли остановила бурный поток своих мыслей и мысленно нажала на кнопку «пауза». Переключилась в режим ожидания. Никаких планов, пока у меня в руках не окажется результат теста. И вообще никаких, если он окажется отрицательным. Так я, по крайней мере, думала.

Я даже не хотела понапрасну мучиться угрызениями совести по поводу его сожительницы. Конечно же ничего из этого не выйдет! Так, прихоть одинокой женщины, прогнувшейся под тяжестью орущих биологических часов, которые она пытается хоть как-то заткнуть.

Весь день я невольно наблюдала за собой со стороны. Какое-то ощущение нереальности: вот идет Беременная Женщина — пьет апельсиновый сок, ест здоровую пищу, старается не поднимать тяжелые стопки книг. Я просто ничего не могла с собой поделаться; вечером, налив себе к омлету бокал вина, я с удивлением увидела, как

моя рука выливает вино в раковину, словно движимая маткой, а не импульсами мозга...

Бенни... О Бенни я даже думать не могла. Каждый раз, когда мои мысли устремлялись в ту сторону, я зажмуривалась и, ступенька за ступенькой, погружалась «в глубь себя» — недаром я закончила курсы аутотренинга. И все равно он весь день неотступно следовал за мной, как двоящееся изображение в раздолбанном телевизоре. Я даже вообразила, что это его подруга пялилась на меня сегодня днем в библиотеке. Как будто она знает меня в лицо, мы же с ней и не встречались никогда!

Вечером он снова пришел, где-то около восьми. Сердце мое колотилось, как после получасового марафона. Он вроде бы хромал на одну ногу, но у меня даже язык не повернулся спросить, что случилось, все казалось таким зыбким, что было не до разговоров. Мы только глупо улыбнулись друг другу и тут же направились в спальню доводить до конца наш безумный проект. А потом я заплакала и сказала, чтобы он больше не приходил, я так не могу, а то опять сорвусь с катушек и начну по нему скучать.

«Так ты по мне скучала?» — спросил он с искренним удивлением.